

К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. А. БАРАТЫНСКОГО

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-34-50

© Н. Н. МАЗУР

«ПОДОБИЕ ТОГО-СЕГО»: КОННОТАЦИИ ШАМПАНСКОГО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1810–1830-х ГОДОВ

Пушкинская эпоха проходит, говоря его же словами, под «шипенье пенных бокалов»:¹ кажется, никогда в России не пили столько шампанского и не писали о нем так много стихов, как в первой трети XIX века.² Тогда оно было еще в новинку: игристые вина по образцу итальянских в провинции Шампань начали делать в 1660-е годы; в 1720-х полюбившийся аристократам напиток вошел в моду во Франции; в начале 1780-х выпускали уже 300 000 бутылок шампанского в год; во время революции его производство и экспорт резко сократились, но вновь расцвели при Наполеоне. К концу 1820-х годов в Шампани закупоривали около 3 миллионов бутылок в год, из которых примерно каждая девятая выпивалась в России.³

Символические коннотации шампанского во французской поэзии определил Вольтер в сатире «Le Mondain» (1736):

Chloris, Églé, me versent de leur main
D'un vin d'Ai dont la mousse pressée,
De la bouteille avec force élançée,
Comme un éclair fait voler le bouchon;
Il part, on rit; il frappe le plafond.
De ce vin frais l'écume pétillante
De nos Français est l'image brillante.⁴

Сатира Вольтера пользовалась большой известностью и во Франции, и в России; ее русский перевод Д. О. Баранова под заглавием «Любитель нынешнего света» вышел в карамзинских «Аонидах» (1797) и был перепечатан

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 137.

² О потреблении шампанского в России и об откликах на него русских поэтов см. полезнейшие статьи: Невский А. Я. 1) Ай // Онегинская энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. Н. И. Михайловой. М., 2004. Т. 1. С. 26–27; 2) Вдова Клико // Там же. Т. 1. С. 161–162; 3) Мозт // Там же. Т. 2. С. 143–144; 4) Шампанская бутылка // Там же. Т. 2. С. 715–716. См. также: Забозлаева Т. Б. «Вина кометы брызнул ток...». Шампанское в русской культуре XVIII–XX веков. СПб., 2007.

³ Об истории шампанских вин см.: Musset B. Vignobles de Champagne et vins mousseux (1650–1830): Histoire d'un mariage de raison. Paris, 2008. Ср. число бутылок шампанского, ввезенных в Россию: 1824 — 374 678; 1825 — 326 071; 1826 — 248 567; 1827 — 396 630; 1828 — 345 656; 1829 — 337 951 (П. Н. [Полевой Н. А.]. Современная библиография // Московский телеграф. 1830. Ч. 34. № 14. С. 229).

⁴ Voltaire. Oeuvres complètes. [S. l.]: De l'Imprimerie de la Société littéraire-typographique, 1787. Т. 14. Р. 114. Пер.: «Хлорида и Аглия своими ручками наливают мне вино Ай; его стесненная пена с силой рвется из бутылки, молнией выбивает пробку, та летит, мы хохочем, она хлопает в потолок. Искрающаяся пена этого свежего вина — блистательный образ нас, французов» (перевод с фр. здесь и далее мой. — Н. М.).

в «Пантеоне русской поэзии» (1815).⁵ Баранов перевел описание шампанского так:

Климена, Хлоя, льют лилейной мне рукой
Нектар, которого стесненный дух и пена,
Со треском свободясь, обрызгивая всех,
Звездами, искрами, шипя, летят из плена.
Все вздрогнули смеясь — и пробка скачет вверх!
В кипящем, в пенистом сего вина стремленье
Живое юности я зрю изображение!⁶

Переводчик старался сохранить все смысловые оттенки вольтеровского описания, кроме одного и самого главного — сравнения шампанского с характером французов. Баранов заменил его аналогией с молодостью, в основе которой лежала устойчивая французская рифмопара «jeunesse / ivresse» («молодость / опьянение»)⁷. Что же могло сподвигнуть переводчика на отступление от оригинала, очевидное большинству его современников, читавших Вольтера по-французски?

Сравнение шампанского с национальным характером французов вписывалось в обширный философский и естественно-научный контекст: начиная с эпохи Ренессанса считалось, что почва (*фр. terroir*) оказывает влияние на растения и в особенности на виноград, а значит, и на вино.⁸ Это представление в XVIII веке было усвоено климатической теорией: ее создатели, аббат Дюбо и Монтестье, утверждали, что от почвы зависит не только состав воды, воздуха и растений, но и характер человека, который дышит этим воздухом, ест плоды земли, пьет воду и вино. Разницу между характерами итальянцев и французов аббат Дюбо в трактате «Критические размышления о поэзии и живописи» (1719) объяснял тем, что первые живут на почве, богатой минералами (квасцами, серой, битумом), а вторые — на почве, состоящей в основном из известковой глины (*фр. marne*), насыщающей воздух летучими солями, которые возбуждают и острят ум, придают характеру легкость и живость.⁹ Известковой глиной была особенно богата почва регионов Шампани, расположенных между Реймской горой и рекой Марна, название которой омонимично слову «marne». Там, в окрестностях местечка Аи рос виноград, из которого делали лучшее шампанское. Так в климатической теории летучесть, живость, стремление вырваться на волю — свойства, общие для шампанского вина и французского характера, — объяснялись составом почвы.

Климатический детерминизм смягчался признанием способности человека адаптироваться к новым условиям; в частности, считалось, что употребление вина и специй из южных стран оказывает благотворное воздействие на характер северных народов, вооружает их ум и пробуждает воображение. Кроме

⁵ О популярности этого текста в России и его отзвуках в первой главе «Онегина» см.: Резанов В. К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина // Пушкин и его современники. Пб., 1923. Вып. 36. С. 71–77; Лямина Е. Э. Об одном жанровом следе в «Евгении Онегине» // Тыняновский сборник. М., 2009. Вып. 13. С. 76–86.

⁶ Баранов Д. Любитель нынешнего света. Перевод из Вольтера // Аониды, или Собрание разных, новых стихотворений. М., 1797. Кн. 2. С. 145.

⁷ Ср. наблюдение Ахматовой о том, что устойчивые французские рифмопары становятся основой русских поэтических клише (Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии, 1970. Л., 1972. С. 36).

⁸ Наше изложение истории представлений о роли *terroir* опирается на кн.: Parker T. Tasting French Terroir The History of an Idea. University of California Press, 2015. О климатической теории см.: Ibid. P. 123 et pass.

⁹ Dubos J.-B. Réflexions critiques sur la poésie et sur la peinture. Paris, 1719. P. 278 et pass.

того, винам, произведенным в Шампани, с конца XVII века приписывались целебные свойства: они производили мочегонный эффект, а стало быть, очищали кровь и разгоняли меланхолию.

Эти теории были хорошо известны в России, но национальное самолюбие мешало воспроизводить их буквально; скорее всего, именно поэтому Баранов позволил себе «отредактировать» Вольтера. Его примеру последовал Денис Давыдов — «партизан-поэт», как и многие другие русские офицеры, страстно полюбивший шампанское во время заграничных походов русской армии в 1813–1815 годах.¹⁰ В послании «Другу-повесе» (1815) он, кажется, первым ввел шампанское в мотивный репертуар легкого дружеского послания, «осовременив» анакреонтический мотив вина на дружеском пиру.¹¹ Давыдов явно ориентировался на Вольтера, но исключил из своего описания символические коннотации шампанского:

И пробка полетит
До потолка стрелою,
И пена зашумит
Сребристую струею
Под розовой рукою
Резвейших из харит!¹²

Более сложный ход он предпринял в стихотворном тосте во здравие донских атаманов (1826), перенеся физические свойства (связь с *terroir*) и символические коннотации французского напитка на его русский аналог — донское игристое:

Брызны искрами из плена,
Радость, жизнь донских холмов!
Окропи, моя любовь,
Черный ус мой белой пеной!¹³

В «Гусарской исповеди» (1832) он продолжил «присваивать» шампанское, сделав дорогой напиток атрибутом не светского бала, с которого сбегает измученный притворством герой, а гусарской пирушки. Коннотации веселья, живости и вольнолюбия он перенес с французов на их победителей:

И я спешу в мою гусарскую семью,
Где хлопают еще шампанского оттычки.
Долой, долой крючки, от глотки до пупа!
Где трубки?.. Вейся, дым, на удалом раздолье!
Роскошествуй, веселая толпа,
В живом и братском своеволие!¹⁴

¹⁰ В 1817–1823 годах Давыдов заказал у Мозта почти 4000 бутылок шампанского (*Невский А. Я. Мозт*. С. 144).

¹¹ Более ранний пример — послание графа Д. И. Хвостова «Приятелю моему, приглашавшему меня на бутылку шампанского 30 августа 1809 года» — не содержит специфических примет шампанского, а воспроизводит общую топику описаний вина. Ср.: «В тебе восторги почерпали / Давно почтенные певцы, / Тобой герои пожинали / Побед лавровые венцы; / Ты сердца тайны объявляешь, / Печали наши потопляешь», и т. д. (*Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений*. 2-е изд. СПб., 1821. Т. 1. С. 207).

¹² *Давыдов Д. В. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. В. Э. Вацууро. Л., 1984. С. 77–78* (Библиотека поэта. Большая сер.). У Вольтера шампанское разливает Аглая; это имя хариты — вестницы Афродиты. Ср. у Давыдова — «резвейшая из харит».

¹³ Там же. С. 90.

¹⁴ Там же. С. 101.

Развернутое сравнение по образцу вольтеровского впервые появилось не у самого Давыдова, а в обращенном к нему послании П. А. Вяземского «К партизану-поэту» (конец 1814 — 1815 год). Утешая друга, по ошибке разжалованного из генералов в полковники,¹⁵ Вяземский напоминал ему о целебных свойствах любимого тем напитка (по-видимому, имея в виду способность шампанского разгонять меланхолию, — ср. пушкинское «Как мысли черные к тебе придут, / Откупори шампанского бутылку / Иль перечесть „Женитьбу Фигаро“»).¹⁶ Вяземский подчеркнул две семантические коннотации шампанского, из которых первая (живость ума) восходит к Вольтеру, но лишается французской привязки, а вторая (молодость) — к переводу Баранова:

...С друзьями здесь возобнови
Союз священный и прекрасный,
Союз и братства и любви,
Судьбе могущей неподвластный!..
Где чаши светлого стекла? <...>
Скрытый в них рукой целебной,
Дар благодатный, дар волшебный
Благословенного *Au*
Кипит, бьет искрами и пеной! —
Так жизнь кипит в молодые дни!
Так за столом непринужденно
Родятся искры острых слов,
Друг друга гонят, упреждают
И, загоревшись, угасают
При шумном смехе остряков!¹⁷

В послании «К партизану-поэту» шампанское — атрибут не просто веселой пирушки: выражение «союз священный и прекрасный» описывает культ дружбы, занимавший почетное место в аксиологии конца XVIII — начала XIX века. У Вяземского этот союз неподвластен не только судьбе, но и смерти: во второй части послания, следуя античной традиции *memento mori*, он превращает пир в тризну, вспоминая А. П. Бурцова, задушевного друга Давыдова и адресата его посланий, славного военной удачей и любовью к кутежам. Вяземский обещает навестить могилу Бурцова, с которым не успел познакомиться при жизни, и полить ее вином, утолив им «жажду праха».¹⁸ Так шампанское оказывается связующим элементом между земным и потусторонним миром.

Сходный мотивный комплекс годом позже появился у французского поэта-песенника П.-Ж. Беранже, горячо любимого в России:

¹⁵ О служебных неурядицах Давыдова см.: Эдельман О. «Счет Давыдовым» (Эпизод из биографии поэта-партизана) // Россия / Russia. М., 1999. Вып. 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — нач. XX века. С. 128–134. Эта статья позволяет уточнить датировку послания Вяземского.

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 132. Представление о целебных свойствах шампанского жило в русской поэзии довольно долго. Ср.: «Услада чувства, бед забвенье, / Отважных помыслов творец, / О нектар жизни, вдохновенье, / Клико, веселие сердец. / <...> Ты нас порой миришь с судьбою, / С людской неправдою миришь, / Играешь важною душою, / В уме, как звездочка, горишь» (Филимонов В. С. Обед. СПб., 1837. С. 130).

¹⁷ Вяземский П. А. Стихотворения / Вступ. статья Л. Я. Гинзбург; сост., подг. текста и прим. К. А. Кумпан. Л., 1986. С. 75–76 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁸ О тесной связи тем пира и тризны в дружеском послании 1810-х годов см.: Виролайнен М. Н. Две чаши (О дружеском послании 1810-х годов) // Русские пиры. СПб., 1998. С. 40–69 (Альманах «Канун»; вып. 3).

C'est à table, quand je m'enivre
De gaîté, de vin et d'amour,
Qu'incertain du temps qui va suivre,
J'aime à prévoir mon dernier jour.¹⁹

В песне «Mon Ame» (1816) Беранже просил друзей использовать на его похоронах Аи вместо святой воды (*фр.* l'eau benite; буквально «благословенная вода» — этот же эпитет применен к шампанскому в послании «К партизану-поэту», а десятью годами позже — в строфе 4, XLV «Евгения Онегина»). Легкое религиозное вольнодумство в песне Беранже сопровождалось резким вольнодумством политическим: поэт оплакивал судьбу Франции после поражения Наполеона, которой иностранные державы навязали ничтожного правителя.

Шампанское связывает два мира и в стихотворении «В день моего рождения» (1819) А. А. Дельвига (к слову сказать, большого ценителя и переводчика Беранже):

С годом двадцать мне прошло!
Я пирую, други, с вами,
И шампанское в стекло
Льется пенными струями.
Дай нам, благостный Зевес,
Встретить новый век с бокалом!
О, тогда с земли без слез,
Смерти мирным покрывалом
Завернувшись, мы уйдем
И за мрачными берегами
Встретясь с милыми тенями,
Тень Аи себе нальем.²⁰

В поэме «Пир» (1820), созданной ближайшим другом Дельвига, Е. А. Баратынским, развивается сложившийся к тому времени комплекс коннотаций шампанского — к аналогиям с вольнолюбивым умом (Вольтер) и молодостью (Баранов и Вяземский) поэт добавил коннотацию отваги, введя новую смысловую рифму «отвага / влага»:

И между тем, друзья мои,
В простые чаши бог похмелья
Роскошно лил сынам веселья
Свое любимое Аи.
В нем укрывается отвага;
Его звездящаяся влага
Души божественной полна:
Свободно искрится она;
Как гордый ум, не терпит плена,
Рвет пробку резвою волной —
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.
Мы в нем заботы потопляли,
И средь восторженных затей —

¹⁹ Béranger P. J. de. Chansons. Paris, 1821. Т. 2. Р. 39. Пер.: «За столом, упиваясь весельем, вином и любовью, полный сомнений в будущем, я особенно люблю провидеть последний день моей жизни».

²⁰ Дельвиг А. А. Соч. / Сост., вступ. статья и комм. В. Э. Вацура. Л., 1986. С. 143–144.

Певцы пируют — восклицали, —
Слепая чернь, благоговей!²¹

Эффектной новацией был необычный эпитет «звездящаяся», который на- поминал о так называемом «вине кометы» (по-русски комету называли «хвостатой звездой»). В 1811 году дом Клико выпустил очень удачную партию шампанского из винограда, собранного во время приближения к земле кометы Галлея; «вино кометы» особенно активно подделывали, поэтому вдова Клико решила изобразить на основании пробок комету; хвостатая звезда на пробке затем стала фирменным знаком шампанского Клико, помещавшимся и на бутылках других годов.²² Обыгрывая характерную визуальную примету самой популярной в России марки, Баратынский решал более сложную идеологическую задачу: он в полном смысле слова оторвал шампанское от французской почвы, заменив влияние «terroir» на влияние «хвостатой звезды», одинаково судьбоносное для всех народов.

Вслед за Вяземским Баратынский преобразил пирушку в пиршество единомышленников, в котором угадывался так называемый «Союз поэтов» (в него входили А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер и сам автор «Пиров»). Введение «небесного» напитка в антураж пира поэтов напоминало о родстве вакхического и поэтического восторга: это античное учение о разных видах божественной одержимости (*лат. furor*), сформировавшееся еще до Платона, много раз и на разные лады повторенное в его текстах и ставшее общим местом уже в античности, в очередной раз вошло в моду в XVIII веке вместе с категориями «восторга» и «вдохновения», занимавшими почетное место в лонгинианской эстетике. Баратынский смягчил священную одержимость поэтов (*furor poeticus*) легкой самоиронией, соединив в выражении «среди восторженных затей» два слова из разных стилистических регистров.

В 1825 году, готовя отдельное издание своих поэм «Эда» и «Пир», Баратынский изменил несколько строк в описании шампанского. Судя по правке, которую он внес в экземпляр книги, подаренный Вяземскому, оно должно было читаться так:

В нем укрывается отвага;
Его звездящаяся влага
Недаром взоры веселит:
Она свободой кипит;
Как пылкий ум, не терпит плена,
Рвет пробку резвою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.²³

Цензуру эти строки испугали: в марте 1826 года ведавший этим изданием Дельвиг писал Баратынскому: «„Монах“ и „Смерть“ Андрэ Шенье перебесили

²¹ Баратынский Е. А. Пир // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. С. 389–390.

²² См.: Невский А. Я. Вино кометы // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 186–187. Ср.: «Пойдем шампанское отведавать; / По дружбе только мой Антон / Мне уступил его, какое! / На пробке звезды, пять корон, / А имя вдовушки резвое! / Смола вся в искрах! уж вино!»; «Еще в бокале пена бьется, / Еще кометная струя / На волю из бутылки рвется» (Филимонов В. С. Обед. С. 35, 73).

²³ См.: Нечаяева В. С. Из архива Баратынского. Остафьевский экземпляр сочинений Баратынского и история одного литературного мотива // Утренники. Пг., 1922. Кн. 1. С. 66–71. А. С. Бодрова любезно сообщила нам, что экземпляр с авторской правкой сейчас хранится в Музее Книги РГБ (шифр МК XII.А.7/8; инв. МК IV — 6210).

нашу цензуру: она совсем готовую книжку остановила и принудила нас перепечатать по ее воле листок „Пиров“. Напрасно мы хотели поставить точки или сказать: оно и блещет и кипит, как дерзкой ум не терпит плена. Нет! На все наши просьбы суровый отказ был ответом! Взгляни на сей экземпляр, потряси его, листок этот выпадет...».²⁴

Эта история широко обсуждалась в пушкинском кругу. В. В. Набоков, а вслед за ним и Ю. М. Лотман полагали, что именно на нее откликнулся Пушкин в строфах IV, 45–46 «Евгения Онегина».²⁵ Хронология работы над четвертой главой опровергает эту гипотезу: глава была завершена раньше, чем случилась история с «Пирами».²⁶ Однако Пушкин наверняка помнил описание шампанского в «Пирах», когда писал эти строфы:

XLV

Вдовы Кликко или Моэта
Благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта
На стол тотчас принесено.
Оно сверкает Ипокреной,
Оно своей игрой и пеной
(Подобием того-сего)
Меня пленяло: за него
Последний бедный лепт, бывало,
Давал я. Помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Рождала глупостей немало,
А сколько шуток и стихов,
И споров и веселых слов!

XLVI

Но изменяет пеной шумной
Оно желудку моему,
И я *Бордо* благоразумный
Уж нынче предпочел ему.
К *Аи* я больше не способен;
Аи любовнице подобен
Блестящей, ветреной, живой,
И своейравной, и пустой...
Но ты, *Бордо*, подобен другу,
Который, в горе и в беде,
Товарищ завсегда, везде
Готов нам оказать услугу,

²⁴ Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. 1800–1844 / Сост. А. М. Песков; подг. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова. М., 1998. С. 178. Так в издании 1826 года в описании шампанского появились строки: «Она отрадою кипит, / Как дикий конь, не терпит плена». Ср. дальнейшее развитие этой линии в стихотворении «Шампанское» поэта-самоучки: «Ты, как буйан неугомонной / Железом связан, засмолен» (*Слепушкин Ф.* Новые досуги сельского жителя. СПб., 1834. С. 55).

²⁵ Ср.: *Набоков В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1999. С. 389–390; *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 643–644.

²⁶ Даты окончания работы над четвертой главой указаны Пушкиным в рукописи: 3 и 6 января 1826 года. Неприятности со «Стихотворениями» Пушкина, обострившие внимание цензуры к «Пирам», начались 26 января 1826 года (об этом см.: *Бодрова А. С.* Цензурная политика А. С. Шишкова и история пушкинских изданий 1825–1826 годов // *Русская литература.* 2019. № 3. С. 68–71).

Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует *Бордо*, наш друг!²⁷

Что могло иметься в виду под словами «подобие того-сего»? Если Пушкин иронизировал над самим приемом развернутых сравнений шампанского, то зачем он снабдил эту строфу примечанием № 25, в котором процитировал свое неопубликованное «Послание к Л<ьву> П<ушкину>» (1824):

В лета красные мои
Поэтический *Аи*
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви
Или юности безумной, и проч.²⁸

Игра с коннотациями шампанского этим не ограничилась: Пушкин обновил восходившую к Баранову смысловую рифму «пена / плена», предложив более эффектную рифмопару «пена / Ипокрена», т. е. источник поэтического дара; ввел новое сравнение шампанского с любовницей, а в писавшихся одновременно с четвертой главой строфах из «Путешествия Онегина» уподобил его музыке Россини.²⁹ Отказ от сравнений и одновременное сгущение их могли подтолкнуть внимательного читателя задуматься над этим умолчанием, примерив его на устойчивые коннотации шампанского.

Пушкин дописывал четвертую главу, уже зная о восстании декабристов, после которого самой рискованной из этих коннотаций стала любовь к свободе (за нее цензура и вырезала страницу из «Пиров»). Пушкин однажды уже обозначил свободу местоимением «та» в послании к декабристу В. Л. Давыдову (1821), где, как и в песне Беранже, шампанскому доверены сакральные функции:

Вот евхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат, <...>
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!..
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.³⁰

Пушкин и здесь обыграл символические коннотации шампанского («беспенная мерзлая струя» подобна подавленной свободе), но у этого описания имелось и социально-бытовое измерение: и В. Л. Давыдов, и упомянутое в этом же послании сидящим «за бутылками *Аи*» семейство генерала Раевского действительно были большими любителями шампанского.³¹ То же самое можно сказать о многих других декабристах, значительную часть которых составляли офицеры, вернувшиеся из заграничных походов. В 1825 году вдова Кликко

²⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 92.

²⁸ Там же. С. 193.

²⁹ Ср.: «Он звуки льет — они кипят, / Они текут, они горят / Как поцелуи молодые, / Все в неге, в пламени любви, / Как зашипевшего *Аи* / Струя и брызги золотые... / Но, господа, позволено ль / С вином равнять *do-re-mi-sol?*» (Там же. С. 204).

³⁰ Там же. Т. 2. С. 149. Под «теми», как известно, подразумевались карбонарии.

³¹ См.: Невский А. Я. Мозт. С. 144.

поставила в Россию рекордное количество бутылок шампанского — 252 452; результат, которого ей не удавалось добиться ни до, ни после этого года.³² В 1826 году общий объем поставок шампанского в Россию по сравнению с 1825 годом упал на четверть.³³

Если наша гипотеза верна и у описания шампанского в строфе IV, 45 имелись политические коннотации, логично предположить их и у его антагониста — «благоразумного Бордо».³⁴ Необычный эпитет напоминает теорию о влиянии *terroir* на характер вина и людей. Бордоские вина производятся в департаменте Жиронда, от названия которого в начале XIX века было образовано имя умеренного крыла французских революционеров — «la Gironde». В эпоху революции жирондистов называли по-разному, в том числе просто «бордосцами». О бордоском происхождении многих лидеров Жиронды упоминает, в частности, госпожа де Сталь в прекрасно известной Пушкину книге «Взгляд на главнейшие события Французской революции» (1818) — ср., например: «La députation de la Gironde était composée d'une vingtaine d'avocats, nés à Bordeaux et dans le Midi: ces hommes, choisis presque au hasard, se trouvèrent doués des plus grands talents <...> Les girondins voulurent la république, et ne parvinrent qu'à renverser la monarchie; ils périrent peu de temps après, en essayant de sauver la France et son roi».³⁵ Для госпожи де Сталь, как и для ряда других историков начала XIX века, Жиронда воплощала либеральное начало революции, уничтоженное якобинским Террором. В этой перспективе предпочтение, которое автор «Онегина» отдает «благоразумному» Бордо перед «своенравным» Аи, может быть истолковано как отказ от радикальных устремлений юности ради взвешенного либерализма зрелых лет.³⁶

На связь строф IV, 45–46 с событиями 14 декабря, кажется, указал сам Пушкин, поставив после них в белой рукописи помету «(Смотр. X)».³⁷ В десятой, «декабристской» главе романа есть строфа с противопоставлением двух других сортов бордоских и шампанских вин:

Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Кликю
Лишь были дружеские споры
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука
[Всё это было только] скука

³² Невский А. Я. Вдова Кликю. С. 162.

³³ См. прим. 3.

³⁴ Кажется, к этому же заключению до нас пришел Сергей Давыдов, использовавший эти образы в качестве метафоры политической эволюции Пушкина (см.: Давыдов С. Между Аи и Бордо: политические взгляды Пушкина // Записки русской академической группы в США. New York, 2000. Т. 30 (1999–2000). С. 167–184).

³⁵ Staël A.-L.-G. Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. Paris, 1845. P. 242–243. Пер.: «Депутация от Жиронды была составлена из двух десятков адвокатов родом из Бордо и с юга: эти случайно выбранные люди обнаружили величайшие таланты <...>. Жирондисты хотели республики, но добились лишь свержения монархии и вскоре погибли, пытаясь спасти Францию и ее короля». Список работ об интересе Пушкина к политическим взглядам Ж. де Сталь см.: Томашевский Б. В., Вольперт Л. И. Сталь // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18/19. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 320.

³⁶ К этому же кругу идей и исторических ассоциаций отсылал эпиграф к четвертой главе, взятый из госпожи де Сталь: «La morale est dans la nature des choses». О контекстах и возможных значениях этого эпиграфа см.: Liapunov V. «La morale est dans la nature des choses»? // Russian Language Journal / Русский язык. 1999. Vol. 53. № 174/176. P. 43–54. Сталь утверждала, что слова «Мораль в природе вещей» ее отец, барон Неккер, либерал и лоялист, адресовал рвавшемуся к власти любой ценой графу де Мирабо.

³⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 599.

Безделье молодых умов
Забавы взрослых шалунов.³⁸

Набоков истолковал оборот «между Лафитом и Клико» как кальку с французского «entre deux vins» (непринужденно, за бокалом вина),³⁹ Лотман — как указание на порядок подачи вин за обедом, а стало быть, и на легкомыслие обстановки, в которой рождался заговор.⁴⁰ Не отвергая этих гипотез, добавим к ним третью: «споры между Лафитом и Клико» проецируются на описание умеренного Северного и радикального Южного общества в двух предшествующих строфах десятой главы.

Главный «певец вакхических картин»⁴¹ в русской поэзии 1820-х годов, Н. М. Языков долго держался в стороне от темы шампанского. Велик соблазн объяснить это воздержание его стремлением дистанцироваться от пушкинского круга и утвердить собственную оригинальность. Основной претензией Языкова к поэзии Пушкина и Баратынского был недостаток «вдохновения» и «восторга» — ключевых ценностей лонгинианской эстетики, воплощением которых стал его собственный лирический герой.⁴² О «Пирах» Баратынского он писал, что те «не имеют того дифирамбического вдохновения, которое должно бы управлять поэтов, воспевающих пиры, и к чему ирония — тоже не вижу».⁴³ Сцена пира поэтов в послании Языкова «Тригорское» (1826) напоминает аналогичную сцену в «Пирах», но очищенную от иронии и самоиронии:

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистой чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства!
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!⁴⁴

Свободный полет мыслей, их игра и кипение, входившие в стандартный репертуар описания эффектов шампанского, Языков объясняет результатом не столько опьянения, сколько воздействия поэтов друг на друга.

³⁸ Там же. С. 525–526.

³⁹ Набоков В. Комментарий к роману «Евгений Онегин». С. 667.

⁴⁰ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 757.

⁴¹ Автохарактеристика в послании к А. С. Пушкину (1825) (Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений / Ред., вступ. статья и комм. М. К. Азадовского. М.; Л., 1934. С. 199).

⁴² См. об этом: Мазур Н. Н. Поэтический диалог Пушкина и Языкова в середине 1820-х годов: новые перспективы // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2019. [Т.] 6. Вып. 1. Пушкин в кругу современников / Отв. ред. Р. Г. Лейбов, Н. Г. Охотин. С. 47–93 (Acta Slavica Estonica; XI).

⁴³ Письмо к А. М. Языкову от 17 марта 1826 года см.: Языковский архив. СПб., 1913. Вып. 1. С. 243.

⁴⁴ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. С. 270–271.

Первое и единственное развернутое описание шампанского Языков предложил в стихотворении «Кубок» (1831), написанном после переезда в Москву. Несмотря на случившееся там сближение с Баратынским, Языков не изменил своим эстетическим принципам: «Кубок» полон «дифирамбическим вдохновением», а коннотации радости, отваги, свободы перенесены с шампанского на поэта:

Восхитительно играет
Драгоценное вино!
Снежной пеною вскипает,
Златом искрится оно!
Услаждающая влага
Оживит тебя всего:
Вспыхнут радость и отвага
Блеском зора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляет голова,
И, как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова;
Строен, пышен мир житейской
Развернется пред тобой...
Много силы чародейской
В этой влаге золотой! <...>
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствует поэт!⁴⁵

В «Кубке» нам слышится ответ Языкова на поэтический спор между П. А. Катениным и А. С. Пушкиным, развернувшийся в 1828–1829 годах. Посылая Пушкину свою балладу «Старая быль», Катенин присовокупил к ней послание, наполненное двусмысленными похвалами: якобы Пушкину достался старинный «завороженный» кубок, из которого «смело пить тому лишь можно, / Кто сыном Фебовым рожден». Катенин просил у Пушкина позволения напиться из этого кубка при одном условии:

Невинным опытом сначала
Узнай — правдив ли этот слух:
Младых романтиков хоть двух
Проси отведать из бокала;
И если, капли не пролив,
Напьются милые свободно,
Тогда и слух, конечно, лжив,
И можно пить кому угодно...⁴⁶

По предположению Ю. Н. Тынянова, Пушкин прочел в текстах Катенина ядовитый намек на его стремление понравиться новому царю, поэтому напечатал в «Северных цветах на 1829 год» только «Старую быль» и свой ответ на послание Катенина, начинавшийся строками:

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь

⁴⁵ Там же. С. 384–385.

⁴⁶ Катенин П. А. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Г. В. Ермаковой-Битнер. М.; Л., 1965. С. 184–185 (Библиотека поэта. Большая сер.). Катенин был возмущен тем, что Пушкин не опубликовал послания, и просил Н. И. Бахтина распространять его в списках. О споре Катенина и Пушкина см.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 261–264.

И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!⁴⁷

Неизвестно, распознал ли Языков политическую подоплеку этого спора, но выпад Катенина в адрес «молодых романтиков», как и вопрос о том, кому хватит смелости выпить из «замороженного» кубка, подтвердив свое право именоваться истинным поэтом, вряд ли могли оставить его равнодушным. Языковский поэт безбоязненно и безнаказанно осушает кубок за кубком, да еще и раздумывает, не швырнуть ли его оземь:

Кубок взял: душе угодны
Этот образ, этот цвет;
Сел и налил; их ласкает
Взором, словом и рукой;
Сразу кубок выпивает
И высоко подымает,
И над буйной головой
Держит. Речь его струится
Безмятежно весела,
А в руке еще таится
Жребий бренного стекла!⁴⁸

Языков настолько сосредоточился на описании разгулявшегося поэта, что не упомянул ни словом о наличии у него сотрапезников и слушателей. То, что у Языкова могло быть случайным умолчанием, в «Бокале» Баратынского (1835) стало программным утверждением. Баратынский воспроизвел устойчивые коннотации шампанского (источник вдохновения; символ свободы; элемент, соединяющий два мира), но отверг связанную с ними аксиологию дружеского пира. Poleмический посыл усилен на грамматическом уровне: «Бокал» насыщен отрицательными формами глагола (9 отрицаний, из которых 7 — в сильной анафорической позиции). Масштаб отрицания нарастает: в строфах I и II критически описана ситуация пира:

Ты не встречен братьей шумной,
Буйных оргий властелин:
Сластолюбец вольнодумной
Я сегодня пью один.⁴⁹

Строка «Я сегодня пью один» перекликалась с дружеским посланием Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...», 1825), но эта перекличка носила poleмический характер. Одиночество пушкинского героя — горькая необходимость:

Печален я: со мною друга нет <...>
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет.

⁴⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 135.

⁴⁸ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. С. 385–386. Эффектный финал «Кубка», кажется, отразился в поздней редакции послания к Языкову Д. И. Хвостова — ср.: «Пой резвой юности игры / И хороводы и пиры: / Пусть пробка с потолком сразится, / Веселой теща уголок, / Где в чистом хрустале струится / Вина шипящего поток» (Славянин. 1827. Ч. 4. С. 30) и «Пой резвой юности игры, / И хороводы и пиры: / На потолок летают пробки, / Веселость царствует одна; / Заморских хрусталей обломки / Прольют на стол реку вина» (Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1834. Т. 7. С. 82).

⁴⁹ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1. С. 46.

Постепенно воображение поэта разгорается и в его памяти оживают образы далеких живых и мертвых друзей:

Я пью один, и на берегах Невы
 Меня друзья сегодня именуют...⁵⁰

Баратынский в строфах III и V отвергает идеал дружбы, устойчивым символом которой в поэзии 1810–1820-х годов служила «круговая чаша»:

Мой восторг неосторожный
 Не обидит никого;
 Не откроет дружбе ложной
 Таин счастья моего <...>

О, бокал уединенья!
 Не усилены тобой
 Пошлой жизни ощущенья,
 Словно чашей круговой:
 Плодородней, благородней,
 Дивной силой будишь ты
 Или грезы преисподней
 Иль небесные мечты.

В финальной строфе условием поэтического прозрения, родственного дару пророка (тот *furor poeticus*, который Баратынский первым связал с мотивом шампанского в «Пирах»), объявляется одиночество:

И один я пью отныне!
 Не в людском шуму, пророк,
 В немотствующей пустыне
 Обретает свет высок!
 Не в беспутном развлеченьи
 Общежительных страстей,
 В одиноком упоеньи
 Мгла падет с его очей!⁵¹

«Бокал» был остро полемичен по отношению ко всей традиции описания шампанского в русской поэзии, начиная с посланий Давыдова и Вяземского и «Пиров» самого Баратынского. Эта полемичность стала следствием нового мировоззрения и новой поэтики, которые формируются у Баратынского в середине 1830-х годов и находят полное выражение в сборнике «Сумерки». И тем не менее спустя три года Баратынский написал стихотворение «Звезды», в котором, на первый взгляд, вернулся к эпикурейским радостям поэзии 1810-х годов, снова связав их с темой шампанского:

Мою звезду я знаю, знаю,
 И мой бокал
 Я наливаю, наливаю,
 Как наливал.
 Гоненьям рока, злобе света
 Смеюся я:
 Живет не здесь — в звездах Мозга
 Душа моя!

⁵⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 424.

⁵¹ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 46–48.

Когда ж коснутся уст прелестных
 Уста мои,
 Не нужно мне ни звезд небесных,
 Ни звезд Аи!⁵²

Парадоксальную перемену позиций мы предлагаем объяснять рядом совпадений, о которых мы знаем или можем уверенно предполагать, что сам Баратынский считал их знаковыми. Связь между мотивами шампанского, звезд и судьбы он впервые наметил в «Пирах»: образ «звездящейся влаги» подчеркивал связь шампанского с кометой, явление которой в астрологии считали предзнаменованием роковых событий — войн, смерти королей и т. п. Явление кометы Галлея в 1811 году обострило эсхатологические ожидания, а вторжение Наполеона в Россию подтвердило их. О другом знаменательном совпадении сам Баратынский писал Вяземскому, посылая ему элегию «Осень» (1837): «Препровождаю вам дань мою „Современнику“. Известие о смерти Пушкина застало меня на последних строфах этого стихотворения. <...> Многим в ней я теперь недоволен, но решаюсь быть к самому себе снисходительным, тем более что небрежности, мною оставленные, кажется, угодны судьбе».⁵³ Одна из последних строф «Осени» включала образ падающей звезды:

Пускай, приняв неправильный полёт
 И вспять стези не обретая,
 Звезда небес в бездонный мрак падет;
 Пусть загорится в них другая.⁵⁴

Примета, связывавшая падение звезды со смертью выдающегося человека, нашла отражение в русской поэзии,⁵⁵ где ее связали, среди прочего, со смертью поэтов — ср. в «Кончине Шиллера» А. П. Беницкого (1805):

Зри! — там звезда лучезарна
 В синем эфире,
 Светлой протягшись чертою,
 Тихо померкла.
 Рок то; звезда, путь оконча,
 В бездне затмилась:
 Смертный великий со славой
 В вечность отходит.⁵⁶

В «Смерти Байрона» В. К. Кюхельбекера (1824):

Или единая от звезд,
 Отторгшись, мчится, льет сиянье
 Чрез поле неизмерных мест,
 Чрез сумрачных небес молчанье —
 И око, зря ее полет,
 За ней боязненно течет!

⁵² Там же. С. 97.

⁵³ Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. С. 337.

⁵⁴ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 80.

⁵⁵ См. «На кончину Великой Княжны Ольги Павловны» Г. Р. Державина (1795), «Ночное размышление» М. М. Хераскова (1806), анонимный перевод песни Беранже «Падающие звезды» в «Северных цветах на 1828 год» и т. д.

⁵⁶ Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биографические справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1971. С. 625 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Упала дивная комета!
 Потухнул среди туч перун!
 Еще трепещет голос струн:
 Но нет могущего Поэта!⁵⁷

Вяземский воспользовался этой же метафорой в стихотворении на смерть Пушкина («На память»), напечатанном в том же томе «Современника», что и «Осень» Баратынского: «Что яркая звезда с родного небосклона / Внезапно сорвана средь бури роковой...».⁵⁸

Из письма Баратынского Вяземскому не вполне понятно, была ли строфа «Осени» с описанием падения звезды задумана до или после известия о смерти Пушкина. Если Баратынский оказался невольным пророком, это должно было произвести на него сильное впечатление.

Еще сильнее его могло задеть напечатанное в самом популярном журнале тех лет «Воспоминание о пиитической жизни Пушкина» Ф. Н. Глинки. Автор сравнил Пушкина с шампанским и по ошибке приписал ему и «Бокал», и две находки из «Пиров» — образ «звездящей влаги» и рифмопару «влага / отвага»:

Не так бокал, воспетый им,
 Отсвечивал звездящей влагой,
 Как, в заревых своих лучах,
 Поэт умом сверкал в речах,
 Скропленных солью и отвагой.⁵⁹

Если учесть, что рефреном через все стихотворение Глинки проходила строка «А рок его подстерегал», можно представить себе то впечатление, которое эта ошибка могла произвести на Баратынского (ср. в «Звездах» настойчивый повтор «Мую звезду я знаю, знаю, / И мой бокал» и мотив «гонений рока»). Показательно, что Баратынский планировал включить «Звезды» в «Сумерки», поместив их между обращенным к Пушкину стихотворением «А. С. П.....ну» и «Приметами» — двумя текстами, трактовавшими тему роковой любви и пророческого предвидения.⁶⁰

В том же 1839 году, что и «Звезды», было написано другое стихотворение о шампанском, которое задумывалось как возвращение к эпикурейским радостям и к стилистике *poésie fugitive* — легкой поэзии 1810-х годов, а стало обращением к тени поэта. Историю создания послания «Эперне. Денису Васильевичу Давыдову» (1839) и послесловия к нему, написанного 15 лет спустя, Вяземский изложил в примечании к их первой публикации в сборнике «В дороге и дома» (1862): «В конце 1838 года автор, посещая Эперне, вспомнил рассказ Давыдова о том, как в 1814 году он был с партизанским отрядом в Эперне, где встретил многих друзей, как они прослезились от радости при такой встрече и потом весело пировали. Автор написал там первую часть это-

⁵⁷ Кюхельбекер В. К. Избр. произведения: В 2 т. / Вступ. статья, подг. текста и прим. Н. В. Королевой. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 205 (Библиотека поэта. Большая сер.). Е. Н. Купреянова считала «Смерть Байрона» источником образа падающей звезды в «Осени» (Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Ред., комм. и биографическая статья Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 275 (Библиотека поэта. Большая сер.)).

⁵⁸ Вяземский П. А. Стихотворения. С. 262.

⁵⁹ Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. Отд. 1. С. 86.

⁶⁰ О стремлении позднего Баратынского скрыть значимые интертекстуальные переключки и отсылки см. в публикуемой ниже статье Н. Г. Охотина о «Приметах».

го не изданного до сих пор послания к Давыдову, которое и было последним, к нему адресованным. Давыдов вскоре умер, и чувства, возбужденные вестью о его смерти, выражены автором во второй части послания, написанной уже в 1854 году».⁶¹

«Эперне» открывал фамильярный вопрос «Икалось ли тебе, Давыдов, / Когда шампанское я пил», напоминавший тон посланий самого Давыдова к Бурцову. Содержательно стихотворение делилось на две части: в первой Вяземский использовал символическую коннотацию «шампанское — источник вдохновения» и обыграл псевдосмысловую рифму «Моэт / поэт»:

Моэт — вот сочинитель славный!
Он пишет прямо набело,
И стих его, живой и плавный,
Ложится на душу светло. <...>

Прочтешь поэму — и, бывало,
Давай полдюжину поэм!
Как ни читай — кажись, всё мало,
И зачитаешься совсем.⁶²

Во второй части, как и в послании «К партизану-поэту», шампанское помогает автору живо вообразить себе события, известные ему только по рассказам адресата. В данном случае речь шла о кутеже русских войск, разграбивших подвалы Моэта после взятия Эперне в 1814 году, в нем принимал участие и сам Давыдов. Похоже, что этой картиной Вяземский собирался окончательно разделаться с вольтеровской аналогией между шампанским и французским характером, перенеся главные достоинства французов на донского казака (этот ход переключался со стихотворным тостом Давыдова в честь донских атаманов):

Люблю я русского натуру:
В бою он лев; пробьют отбой —
Весельчаку и балагуру
И враг всё тот же брат родной.

Оставя боевую пику,
Казак здесь мирно пировал,
Но за Москву, французам в пику,
Их погреба он осушал.

Вином кипучим с гор французских
Он поминал родимый Дон,
И, чтоб не пить из рюмок узких,
Пил прямо из бутылок он.⁶³

В послесловии к «Эперне» Вяземский не упоминает шампанское, но переносит его коннотации на характер Давыдова и его поэзии:

Остыл поэта светлый кубок,
Остыл и партизанский меч;

⁶¹ Вяземский П. А. Стихотворения. С. 513.

⁶² Там же. С. 322. Это стихотворение, как и многие другие тексты позднего Вяземского, насыщено реминисценциями из поэзии 1810–1820-х годов, разбор которых, однако же, не входит в задачи нашей статьи.

⁶³ Там же. С. 323.

Средь благовонных чаш и трубок
Уж не кипит живая речь.

С нее не сыплются, как звезды,
Огни и вспышки острых слов,
И речь наездника наезды
Не совершает на глупцов.

Струей не льется вечно новой
Бивачных повестей рассказ...

Финал послесловия к «Эперне» перекликался с финалом послания «К партизану-поэту»: в раннем послании Вяземский обещал совершить возлияние на могиле Бурцова вином, утолив им «жажду праха», а в позднем вино заменила песнь:

Но песнь мою, души преданье
О светлых, безвозвратных днях,
Прими, Денис, как возлиянье
На прах твой, сердцу милый прах!⁶⁴

Так последней «звезде рассеянной Плеяды»⁶⁵ выпало на долю начать и завершить развитие символических коннотаций шампанского в поэзии пушкинского круга — поэтической общности, принадлежность к которой определялась не только и не столько личной дружбой, сколько единым интертекстуальным пространством, созданным памятью на чужие находки и готовностью подхватить тему и посоревноваться в ее развитии.

⁶⁴ Там же. С. 324–325.

⁶⁵ Так Баратынский назвал Вяземского в посвящении «Сумерек» (*Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 12*).

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-50-57

© А. С. БОДРОВА

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО Е. А. БАРАТЫНСКОГО К А. И. ТУРГЕНЕВУ (К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ)*

Историю литературных отношений традиционно описывают по биографической канве их участников, дополняя анализом прямых высказываний персонажей друг о друге и описанием творческих взаимных влияний или полемики. При этом социальное измерение литературных отношений (социальный статус и связи, положение в служебной или литературной иерархии, институциональная принадлежность и т. д.) редко становится объектом исследовательской рефлексии, как и сюжеты, предполагающие выход

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00306 «Литературное общество как культурный, политический и социальный институт (Вольное общество любителей российской словесности, 1816–1825)».